

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Дама
разбитого
сердца

Наталья Николаевна Александрова
Дама разбитого сердца
Серия «Наследники
Остапа Бендера», книга 14

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3935365
Дама разбитого сердца : роман / Наталья Александрова: Эксмо;
Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36859-4

Аннотация

На вернисаже как-то раз Люся встретила мужчину своей девичьей мечты, а вместе с ним огребла кучу неприятностей. Василий Зайкин оказался профессиональным мошенником. Опоив даму снотворным, он похитил альбом дорогих марок и случайно прихватил бесценную папку, принадлежавшую брату Люси. И теперь тому остается только удавиться. Конечно, это чересчур, и он обратился за помощью к мошеннику экстра-класса Лене Маркизу. Ленчик справлялся и не с такими тонкими поручениями! Правда, раньше дела складывались легко и красиво, а тут... Поиск уже начинали два матерых детектива. Теперь они мертвы...

Книга также выходила под названиями «Мамочка в законе», «Мужчина дурной мечты».

Наталья Александрова

Дама разбитого сердца

Люся выскочила из машины, прищемив дверцей пальто. К счастью, бомбист вовремя это заметил и не стал резко трогаться с места.

– Осторожней надо быть! – посоветовал он.

Люся посчитала это наглостью и буркнула:

– Мог бы и дверцу открыть!

С мужика тут же слетела вся доброжелательность, он проворчал, что за полтинник в холуи не нанимался, газанул и, несомненно, окатил бы Люсю водой из растаявшей лужи, если бы она не была начеку и вовремя не отскочила.

От резкого прыжка внутри у Люси раздался какой-то треск, и она подумала, что растянула сухожилие. Однако ступать на ногу было не больно, тогда Люся незаметно ощупала под пальто всю себя и убедилась, что ничего не повредила. Существовала вероятность, что просто оторвалась пуговица или, не дай бог, лопнула лямка бюстгальтера, так что Люся, поднимаясь по ступенькам, плавно повела плечами вправо и влево. На первый взгляд все было в порядке, и Люся облегченно вздохнула. Тут она заметила, что охранник за стеклянной дверью смотрит на нее как-то странно, и на всякий случай выше подняла голову, проходя мимо.

– Девушка! – остановил ее голос охранника. – Пойдите!

– Что вы хотите? – спросила Люся, как могла холодно.

– Всего лишь взглянуть на ваше приглашение, – ответил охранник.

Люсе послышались в его голосе пренебрежительные нотки, но наглый тип был в своем праве, и она раскрыла сумочку. Разумеется, проклятая сумка выскочила из рук и свалилась на пол, рассыпав все содержимое. Вот именно, не Люся ее уронила, а она сама упала, причем сделала это нарочно. Люся давно уже была уверена, что вещи все делают ей назло, только никому об этом не говорила, даже брату, боясь, что у него лопнет терпение.

Люся нагнулась и начала собирать содержимое сумочки, охранник даже не сделал попытки ей помочь. Открылась дверь, и вошли еще трое опоздавших: пожилой мужчина в шикарном кашемировом пальто, стройная девица в норковой шубке и с ними еще какой-то лохматый тип – верно, художник. Снизу Люсе было видно, какие длинные и стройные у девицы ноги. Троица, жизнерадостно смеясь, проскочила в двери, причем охранник даже и не заикнулся насчет приглашений. Девица ловко миновала Люсину пудреницу, тюбик помады и записную книжку, дядечка в кашемире сказал: «Пардон, мадам!» – а лохматый просто перепрыгнул через Люсю, как при игре в чехарду.

Люсе показалось, что охранник хрюкнул от смеха. Она наконец собрала все мелочи и сунула ему под нос приглашение.

– Вы удовлетворены?

– Проходите, пожалуйста, – вежливо ответил охранник, но в глазах его Люся отметила издевательское выражение.

Разумеется, она опоздала на открытие вернисажа. Странное дело, Люся начала собираться за два часа до начала. То есть час на сборы и час на то, чтобы добраться. Оказалось, однако, что часа на сборы не хватило, потому Люся выскочила из дома за сорок минут до начала, да еще пришлось долго мерзнуть на перекрестке, дожидаясь левака.

Когда она, сняв пальто и наскоро причесавшись, зашла в зал, торжественные речи, посвященные открытию выставки художника Пиворакина, уже закончились. Играла музыка – что-то классическое, занудное и скрипучее, посетители прогуливались по залу, обмениваясь впечатлениями от выставки. В дальнем углу небольшая группа роилась вокруг самого виновника торжества, очень модного художника Пиворакина.

Люся не слишком много понимала в современном искусстве. Приглашение на вернисаж ей достала Ленка. Ленка уже четыре года была подругой ее брата Вадика, и все эти годы не расставалась с мыслью перейти из подруг в жены. По наблюдению Люси, Вадик не слишком хотел перевести Ленку на положение законной жены, поскольку при ее энергии переносить Ленку в больших количествах было довольно-таки трудновато. Но Ленка вбила себе в голову, что для ее замужества существует лишь одно препятствие в лице Люси. То есть как только Люся найдет свое личное счастье и переедет

от брата к мужу, Вадику сразу же станет одиноко, и он незамедлительно женится на Ленке.

Однако выдать замуж Люсю оказалось не под силу даже Ленке. Мужчины не слишком Люсей интересовались, совершенно непонятно почему. Вадик, сердясь на сестру, кричал, что Люська – просто фантастическая дура, и этим все сказано. Ленка спорила с ним, утверждая, что ни одного мужчину не оттолкнула еще женская глупость и что внешность у Люси, конечно, тоже оставляет желать лучшего, но все дело в том, чтобы создать правильный имидж. С этой целью Ленка примерно раз в неделю заставляла Люсю полностью менять внешность. Люся носила то пышные кудри, то короткую стрижку, Ленка заставляла ее перекраситься в искусственный темно-бордовый цвет и сильно подводить глаза к вискам. Про одежду лучше вообще не вспоминать: Люся истратила кучу денег на тряпки. Деньги, конечно, приходилось каждый раз просить у брата, потому что Люсина трудовая деятельность тоже шла не так хорошо, как бы хотелось. То есть если ее брали с испытательным сроком, то на второй день после окончания этого самого срока всегда указывали на дверь. Либо же увольняли просто без объяснения причины. Вадик упорно продолжал утверждать, что все дело в Люсиной непроходимой тупости, но сестру жалел и давал деньги на одежду и косметику, хотя и утверждал, что терпение у него скоро лопнет.

Ленка принесла как-то строгий деловой костюм и очки с

простыми стеклами в дорогушей итальянской оправе, но узкая юбка сразу же лопнула сзади по шву, а очки Люся вскоре благополучно потеряла. Ленка после того случая надолго опустила руки, но потом как всегда ей пришла в голову новая гениальная идея. Увидев Люсю как-то утром в халате, она заметила, что у нее круглые аппетитные коленки, и заявила, что это – самая Люсиная сильная сторона, и тут же привела пример из отечественной классики. Дескать, в романе Гончарова «Обломов» герой обратил внимание на свою жену только из-за того, что у нее были очень красивые округлые локти. Сюжет романа Люся не знала – в детстве над классикой она сладко засыпала, но Ленка слыла девушкой на редкость начитанной, и в этом вопросе с ней было спорить трудно.

Итак, Люсины коленки из просто круглых превратились в «округлые», и началось преобразование. Ленка заставила Люсю купить высокие сапоги на каблуках и укоротить все юбки.

– Ноги у тебя вообще-то не очень! – авторитетно заявила она. – Стало быть, нужно выставлять самую выгодную часть, то есть колени, а остальное прикрыть сапогами.

Далее, Ленка пришла к выводу, что, таскаясь в клубы и на молодежные тусовки, Люся вряд ли сможет познакомиться с приличным человеком.

– Ты же знаешь, – говорила она, – брат очень тебя любит и пока не убедится, что твой жених – действительно порядочный обеспеченный человек, ни о какой свадьбе не может

быть и речи. Да что там, он даже встречаться тебе с ним не позволит. А где сейчас можно встретить приличного человека? Уж не в ночном клубе, дорогая моя. И не в кабаке. Нужно ходить на выставки, на вернисажи всякие, в филармонию, наконец!..

– В филармонию? – испугалась Люся. – Я этого не вынесу!

– Ничего страшного! – заявила Ленка. – Подумаешь, каких-нибудь два с половиной часа потерпеть классическую музыку! Уж не убудет от тебя!

Начать все же решили с изобразительного искусства. В крайнем случае, если уж совсем станет худо, можно быстренько ретироваться, а посреди концерта незаметно не уйдешь.

И вот Ленка достала приглашение на вернисаж художника Пиворакина. Она сказала, что Пиворакин сейчас безумно модный, так что на открытие выставки соберется весь городской бомонд, а Люсе нужно только неторопливо прогуливаться мимо картин с умным скучающим видом и приглядываться к приличным мужчинам. Как разобрать, какой мужчина приличный, а какой нет, Ленка, к сожалению, не научила.

Первая же увиденная картина потрясла Люсю до глубины души. На ней был изображен какой-то странный агрегат, отдаленно напоминающий электрическую соковарку. Сбоку к соковарке художник пририсовал розовое человеческое ухо, превосходившее по размерам натуральное примерно раз

в двадцать. Из уха, как из окна, выглядывала голая по пояс женщина и выбрасывала всякую всячину – ломаные стулья, сгоревший телевизор, розовый абажур от настольной лампы... Картина называлась «Очищение». Люся постояла немного, чтобы справиться с внезапно подступившей тошнотой, и пошла дальше. Ленка всегда говорила, что она слишком впечатлительная. Вовсе незачем представлять себя вылезающей из огромного живого уха, да еще в голом виде!

Дальше пошло легче. Картины были поменьше, с разными изображениями, но главный мотив творчества художника Пиворакина просматривался весьма отчетливо: самая разнообразная бытовая техника. Были тут и стиральная машина, прорастающая зелеными побегами, а также кофеварка, где под струей кофе, как под душем, мылся симпатичный негр в косичках. Люсе очень понравилась картина с обычным чайником. Чайник был очень большой и блестящий, и в его никелированном боку отражался, надо полагать, портрет самого художника в виде фарфоровой сахарницы.

Однако следовало наконец подумать и о себе. Люся решила, что она достаточно уже восхищалась произведениями Пиворакина, и обратила свой взор на посетителей выставки. Музыканты по-прежнему играли что-то дико классическое, публика, тихо переговариваясь, не спеша двигалась по кругу. Между посетителями вернисажа сновали стройные молодые люди с подносами в руках. Официанты были одеты под неувядающую классику – белый верх, черный низ, на подно-

сах тихо звенели бокалы с шампанским. Люся подумала, что неплохо было бы и ей выпить чуточку шампанского, а потом попытаться взять на заметку хотя бы одного приличного мужчину, но официанты, как назло, шустро пробежали мимо, не останавливаясь и не обращая никакого внимания на эффектную молодую женщину, очень удачно выставившую на всеобщее обозрение свои замечательные округлые колени. Впрочем, Люся и не собиралась прельщать официантов. В крайнем случае, можно обойтись и без шампанского, духовное наслаждение важнее. Но это унинительно.

Люся заняла самую выгодную, как она полагала, позицию – чуть в стороне от остальной публики. И наконец такая предусмотрительность начала давать плоды. Люся поймала на себе весьма заинтересованный взгляд того самого лохматого типа, который у двери перескочил через нее, сидящую на корточках. Люся на мгновение задумалась – можно ли считать лохматого приличным человеком и что сказала бы по этому поводу Ленка. Выходило, что никак нельзя, и Ленка скорчила бы пренебрежительную гримасу. Пока Люся думала, лохматый прошел мимо и затерялся в толпе.

Потом на Люсю внимательно поглядел невысокий пожилой дядечка в очках и с бородкой клинышком. Этот-то, несомненно, являлся приличным человеком, но лет ему было по самому скромному счету никак не меньше шестидесяти, так что Люся никак не отреагировала на его взгляд. Определенно, на этом вернисаже был недостаток приличных мужчин

подходящего возраста! Люся слегка забеспокоилась, предчувствуя, что Ленка снова назовет ее растяпой и тетехой. Она-де с таким трудом достала приглашение на вернисаж, а Люся снова никого не сумела там подцепить.

В это время Люся поймала на себе взгляд проходящей дамы. Дама опиралась на руку своего спутника и поглядела на Люсины округлые коленки весьма неодобрительно.

«Кошелка старая! – мгновенно завелась Люся. – Думает, повесила в уши бриллианты, так сразу и похорошела. Тебе бы дома сидеть, внуков воспитывать, а не по вернисажам шляться!»

Однако, когда шедшие следом за дамой две девицы откровенно фыркнули, глядя на Люсю, она забеспокоилась и скосила глаза вниз. В животе у нее тотчас похолодело, потому что случилось самое страшное: на ее прелестной округлой коленке красовалась замечательная круглая дыра! Так вот какой треск слышала Люся, когда выскочила из машины! А она-то думала, что это лопнула бретелька на лифчике...

Люся огляделась по сторонам и с грацией молодого бегемота скакнула в угол. Там, в небольшой нише, стояла скамейка, обитая малиновым бархатом, и висела какая-то забытая картина. Наверное, сам художник Пиворакин не слишком ею дорожил, раз позволил повесить в такое неудобное место.

Люся рассмотрела дыру и попыталась сдвинуть ее набок, чтобы не так бросалась в глаза. Затем достала пудреницу

и аккуратно замазала крем-пудрой кожу на коленке. Дырка стала почти незаметна. Переведя дыхание, Люся полюбовалась на свою работу и подняла глаза.

— У вас поразительный вкус, — слышался совсем рядом с ней приятный мужской голос.

В первый момент неизбалованная мужским вниманием Люся не отнесла эту фразу на свой счет, но поблизости больше никого не было. Только она и полноватый улыбающийся мужчина лет сорока.

Мужчина не был красивым. Как уже сказано, он был полноват, не слишком молод, на лбу намечались отчетливые залысины, но его круглое лицо и неспортивная фигура излучали такое доверчивое, уютное, обволакивающее обаяние, что у Люси тревожно и сладко забилося сердце, а на щеках выступили неровные пятна румянца. Несомненно, это был самый приличный мужчина на этом вернисаже. Несомненно также, что Ленка одобрила бы его немедленно и безоговорочно. Люся поняла, что ей привалила удача, ведь этот мужчина сам подошел к ней и завел разговор. Она с нежностью поглядела на приличного мужчину и страстно возжелала, чтобы он стал ее собственностью. Ей захотелось немедленно закутать незнакомца во что-нибудь теплое и увести к себе домой. А там, у себя дома, за плотно закрытыми дверями, окружить его заботой и лаской... У нее накопились такие огромные запасы нерастраченной ласки! Почему-то ей представились их будущие дети, но тут же дети отодвинулись в

сторону, а вместо этого Люся вообразила то, что этим детям предшествует. Пятна на щеках стали еще горячее и ярче.

– Нет, все-таки у вас замечательный вкус! – повторил незнакомец. – Безусловно, это лучшая картина на выставке!

Люся проследила за его взглядом. Оказывается, она сидела перед картиной, изображавшей самый обыкновенный электрический тостер. Хотя, конечно, не совсем обыкновенный. У тостера были кривые короткие лапы английского бульдога и маленький, закрученный колечком розовый хвостик. На боку у тостера имелся круглый нахальный глаз, который очень выразительно подмигивал Люсе, как будто говорил ей, что такие обаятельные незнакомцы – вовсе не для нее. Что дурочкам в рваных колготках не светят семейное счастье, забота и ласка, маленькие и большие супружеские радости. Что Люсе так и придется шляться по презентациям и вернисажам в одиночестве или с подругами, такими же нескладными и невезучими, как она, до тех пор, пока она окончательно не состарится... Впрочем, нет у нее никаких подруг, кроме Ленки, которая в отношении Люси преследует свои собственные, сугубо практические цели. Еще у Люси есть брат, который утверждает, что у него скоро лопнет терпение.

– Вы позволите присесть рядом с вами? – церемонно спросил мужчина, и Люся кивнула, громко сглотнув. – Какая глубокая выразительность скрыта в этих ярких, насыщенных цветах! – продолжал симпатичный мужчина. – Сколько экс-

прессии в эмалевом покрытии тостера! Его кривые лапы говорят о трудном и тернистом пути художника. А этот лихо закрученный хвост, символизирующий бесконечное кружение жизни...

– Люся, – негромко проговорила Люся.

– Что? – переспросил мужчина.

– Меня зовут Люся. А вас?

– Василий, – ответил он, чрезвычайно мило улыбнувшись.

При этом Люся поняла, кого напомнил ей этот мужчина. Он напомнил ей большого пушистого кота, с которым Люся играла в далеком детстве. Того тоже звали Васей. И он тоже был чрезвычайно мил.

Рядом с ними беззвучно появился официант. Интересно, до сих пор официанты упорно не замечали Люсю, а теперь, когда ей улыбнулась удача, – и он тут как тут! Василий ловко выхватил с подноса два бокала, один из них протянул Люсе. Люся одним глотком выпила шампанское, в носу приятно защекотало, и ярко освещенный зал поплыл вокруг, постепенно увеличивая скорость. Люся поняла, что она ни в коем случае не может упустить свой шанс. Нужно немедленно брать инициативу в свои руки. И Ленка посоветовала бы ей то же самое.

– Я согласна, – решительно проговорила Люся.

– На что? – спросил Вася.

Люся хотела сказать, что она согласна абсолютно на все, но вовремя прикусила язык и ограничилась более прилич-

НЫМ ОТВЕТОМ:

– Куда-нибудь пойти... где-нибудь посидеть, поговорить про искусство... Вы в нем так хорошо разбираетесь, а здесь так скучно...

– Вы правы, – согласился Василий, – здесь становится скучновато. Позвольте предложить вам руку.

Люся совершенно забыла о дыре на колготках. Она всунула свою руку Василию под мышку и поплыла по залу, как по облаку.

Через полчаса они сидели в маленьком уютном кафе на Караванной улице. Василий что-то говорил, но Люся совершенно его не слушала. Она упивалась звуками его бархатного голоса. При этих звуках ей отчего-то снова представлялись маленькие толстенькие дети, удивительно похожие на Василия, и то, что непосредственно ведет к их появлению. Люся часто дышала, высоко вздымая свою бесформенную грудь, и думала, что ни в коем случае не отпустит сегодня Василия. Такую редкостную удачу нужно держать двумя руками.

«Мы не можем ждать милостей от природы, – вспомнила она фразу из школьного учебника, – взять их у нее – наша задача». Конечно, мы не можем ждать милостей, с нашей-то заурядной внешностью и незаурядной невезучестью. И как раз сегодня дома никого не было. Брат уехал по делам и сказал, что вернется только завтра. Ленка без него не заходит, говорит, что у нее своих забот по горло. Приходящая дом-

работница Раиса Сергеевна отпросилась на три дня, чтобы навестить дочь в Выборге. Все складывается очень удачно, прямо как по заказу...

На Люсиных висках выступили бисеринки пота.

Василий довез ее до дома, подвел к дверям, и тогда Люся решительно притянула его к себе и поцеловала сухими горячими губами. Она сама не знала, откуда взялось у нее столько решимости. От Василия пахло чем-то надежным, как доллар, и положительным, как лето в средней полосе.

– Зайдем ко мне, – прошептала она в его ухо.

Охранник Миша проводил их насмешливым и несколько удивленным взглядом. Люсе было уже все равно.

Войдя в квартиру и едва закрыв за собой дверь, она потянулась к Василию, решительно притиснула его к стене и попыталась торопливо расстегнуть мешающие и ненужные пуговицы. Однако Василий осторожно вывернулся и с едва заметным испугом проговорил, что хорошо бы сначала выпить по бокалу вина для создания легкой романтической атмосферы. Люся не возражала. Конечно, нужно все сделать как полагается. То есть так, как описывается в глянцевых журналах, которые Ленка таскала ей пачками, чтобы Люся просматривала их и набиралась передового опыта. Там двое перед тем, как заняться любовью, обязательно пьют охлажденное вино из высоких бокалов.

Люся поспешно прошла в гостиную, достала из бара-холодильника бутылку своего любимого белого бордо. Васи-

лий ловко откупорил бутылку и наполнил высокие бокалы. Это выглядело в точности как на картинке в глянцевом журнале. При этом он на долю секунды повернулся к Люсе спиной, но она совершенно не обратила на это внимания. Также не обратила она внимания на несколько странный вкус вина. Она думала только об одном: о том, что сейчас произойдет, непременно произойдет.

Допив вино и элегантным жестом поставив бокал на столик, Люся села на низкий кожаный диван и призывно протянула к Василию руки, как советовали в глянцевом журнале.

– Ну иди ко мне! – проговорила она прерывающимся от волнения голосом. – Иди ко мне, мой котенок!

Однако Василий не спешил. Он смотрел на нее с осторожным интересом, как будто чего-то ожидая.

– Ну иди же ко мне! – повторила Люся с возрастающей страстью в голосе. – Или я тебе не нравлюсь?

– Нравишься, очень нравишься, – отмахнулся Василий и почему-то озабоченно взглянул на часы. Люся хотела на него обидеться, но комната перед ее глазами стремительно поплыла, веки неожиданно налились свинцом, и глаза сами собой закрылись.

Василий наклонился над спящей женщиной, убедился, что ее сон глубок и крепок, и вздохнул с явным облегчением. Сегодня его отработанная система едва не дала досадный сбой. Обычно Васино обаяние действовало на женщин вполне определенным образом: им невыносимо хотелось выйти

за него замуж. Постельные радости при этом отступали на второй план. А эта каракатица неожиданно вспыхнула страстью и едва его не изнасиловала... Хорошо, что снотворное быстро на нее подействовало.

Он поудобнее уложил ее на диване, прикрыл пледом и вышел в коридор. Остановившись перед закрытой дверью, достал связку отмычек и занялся замком. Замок оказался не из самых сложных, и через несколько минут Вася благополучно вошел в кабинет.

На стенах висело несколько картин в темных резных рамах. В живописи Вася не очень разбирался, а картины – большие, выносить их мимо охраны будет слишком сложно. Приподняв одну из них, он увидел в стене сейф и огорчился: сейф довольно сложный, открыть его он не сможет, это – не его специальность. Васина специальность – скучающие богатые дамочки. Ну да ладно, он пришел сюда не за этим. Если верить наводке, то, ради чего он целый вечер возился с Люсей, должно находиться в письменном столе.

Вася один за другим открыл маленькой универсальной отмычкой ящики антикварного стола. В нижнем лежал альбом с марками. Перелистав страницы альбома, он увидел то, что ему заказывали. Небольшая, невзрачная серая марка без зубчиков. Можно взять только ее, это вполне окупит сегодняшние хлопоты, а вынести марку ничего не стоит. Но Иван Павлович сказал, что и другие марки в этом альбоме стоят приличных денег...

Вася вздохнул. Люся весь вечер ужасно раздражала его, это следовало как-то компенсировать. Так сказать, возмещение морального урона.

Он закрыл альбом, положил на стол. Сафьяновый переплет слишком заметен, он может вызвать нежелательный интерес охранника...

В верхнем ящике стола лежала неприметная темно-коричневая папка. Альбом аккуратно поместился в нее.

«Ну вот, – подумал Вася, задвигая ящики, – дело почти сделано... Иван Павлович обещал за эту марку пятьдесят тысяч, да еще и за остальные заплатит. Можно сказать, день прошел не напрасно».

Напоследок он заглянул в гостиную. Люся спала на диване, свернувшись калачиком, и изредка тихонько всхрапывала. На ее лице играла счастливая, умиротворенная улыбка. Василий заботливо подоткнул плед и тихонько вышел из квартиры.

В городе Санкт-Петербурге наступило самое противное время года – уже не осень, но еще не зима. Собственно, наступило оно повсеместно, но дело в том, что в Петербурге такое время является настоящим стихийным бедствием и продолжается сколь угодно долго. С залива дует мокрый и холодный ветер, небо выкрашено грязно-серой тюремной краской, к тому же на него все время набегают свинцовые тучи, которые проливаются на город грязной водой, как про-

течка от соседей-алкоголиков. Темнеть начинает очень рано, да и днем-то солнце никогда не выглядывает из-за туч, и кажется, что на улице всегда сумерки.

На мостовых и тротуарах в это время года всегда отвратительная каша из тающего снега и грязи, ибо встретить рано утром на улице работающего дворника так же нереально, как найти потерянный с вечера кошелек. Обыватели же, осмелившиеся сделать дворнику ненавязчивое замечание по поводу качества уборки улиц, вообще чувствуют себя камикадзе, поскольку за такое запросто можно получить метлой в ухо.

Прохожие, с трудом пробирающиеся по скользким улицам, люто ненавидят автомобилистов, которые норовят окатить их грязной водой из лужи на мостовой. Автолюбители же проклянут идиотов, которые выскакивают прямо под колеса автомобиля, не понимая, что человек иногда не может вовремя затормозить из-за состояния дорожного покрытия.

Над городом висит стойкий дух всеобщего раздражения. Шоферы в маршрутках нарочно включают погромче свой любимый «Русский шансон», чтобы не слышать просьб остановиться. Мужчины перестают уступать дамам место в трамвае и придерживать двери в метро. Дамы, в свою очередь, норовят острым каблуком наступить на ногу или задеть зонтиком и не извиниться. Дети капризничают и хулиганят. Жены устраивают мужьям внеочередные семейные сцены. Мужья выпивают чаще и больше, чем обычно.

Словом, в это время в городе творится форменный кошмар, который не всегда кончается с наступлением Нового года.

Лоле не приходилось ездить в общественном транспорте, когда правый бок намертво прижат к поручню, в левый вонзился зонтик соседки, колготки рвет замок на чем-то портфеле, а нос щекочет воротник чьей-то шубы, пахнувший самой натуральной псиной.

Лола была женщина обеспеченная и ездила только на машине. Причем в такую темноту и непогоду она не любила самостоятельно ездить на своем новеньком «Фольксвагене», где сиденья и руль обтянуты красной кожей, в салоне тепло и уютно. Лола предпочитала, чтобы в такие дни ее возил ее компаньон Леня Маркиз. Или кто-нибудь другой.

Не приходилось Лоле и шагать по грязным тротуарам, ежеминутно рискуя свалиться в лужу. Она выходила на прогулку только с Пу И – крошечным песиком древней мексиканской породы чихуа-хуа, в которого вложила все запасы любви и нежности, которые дремлют в душе каждой бездетной женщины. Но Пу И терпеть не мог позднюю осень и зиму, поэтому норовил заранее сделать лужу на полу в прихожей, чтобы ему не устраивали кошмар, называемый прогулкой.

Леня Маркиз был мошенником экстра-класса, причем это признавали многие, кто знал его по его многочисленным де-

лам. Операции по безболезненному отъему денег у некоторых обеспеченных индивидуумов, проводимые Ленией, всегда отличались незаурядным остроумием и внешней легкостью исполнения. На самом деле Леня каждую операцию долго обдумывал и тщательно планировал. Работал он всегда один, привлекая по мере надобности несколько проверенных помощников. Так продолжалось до тех пор, пока Леня не встретил Лолу и не угадал в ней своего верного и незаменимого партнера. Лола и вправду очень ему подошла, поскольку по образованию и по призванию была актрисой, стало быть, обладала некоторым артистизмом, умела перевоплощаться и очаровывать мужчин, когда возникала такая необходимость.

Они давно уже решили жить вместе для удобства. Лола утверждала, что Леня Маркиз – удивительный неряха и обжора, как все мужчины, но эти недостатки не перевешивают Лениных достоинств и что нельзя требовать от мужчины слишком многого. Леня же, в свою очередь, утверждал, что Лолка – взбалмошная и капризная девица, редкостная лентяйка и что она совершенно разбаловала Пу И. Но в трудную минуту Лола умела забыть про капризы и мобилизоваться, а также умела вовремя останавливаться в спорах, что, согласитесь, для женщины качество немаловажное.

Таким образом компаньоны вполне сносно существовали вместе вот уже больше двух лет. И хотя Лола изредка устраивала Маркизу сцены, напоминающие семейные, ей и в го-

лову не приходило менять свой образ жизни.

Вместе с ними, кроме Пу И, в квартире жили еще двое питомцев – огромный угольно-черный кот с аккуратной белой манишкой и лапами и говорящий попугай Перришон. Кота Леня нашел на лестнице в трудную для того минуту жизни и предложил пожить у него. Назвал он кота Аскольдом в память о своем погибшем друге и учителе. Коту так подходило это имя, что Леня иногда подумывал о переселении душ. Попугай же прошлой зимой просто сам влетел в открытую форточку, да так и остался жить у них, быстро вписавшись в веселую компанию домашних питомцев. Лола всей душой обожала Пу И, Леня был безмерно привязан к коту Аскольду, а попугай считался общим.

Итак, на первый взгляд у Лолы совершенно не было причин впадать в депрессию в это время года. Но только на первый взгляд. На самом деле причины были, и много. Во-первых, Лола терпеть не могла темноту. Она прочитала в каком-то журнале, что в этом она не одинока, что от отсутствия света можно получить сильный стресс. И если в масштабах города Лола была не в состоянии бороться с темнотой, то в собственной квартире она устраивала иллюминацию, как в Париже в день взятия Бастилии.

Осенью Леня не раз просыпался в недоумении. На часах – три ночи, а в квартире включен свет везде, кроме его комнаты, и то только потому, что с некоторых пор он стал запира-
раться на задвижку, опасаясь Лолкиных хождений по квар-

тире с фонарем. Спать в такой обстановке было невозможно, Лене спрросонья казалось, что он попал в детство и проснулся в пионерском лагере. Там в коридоре всю ночь горел свет. Звери тоже реагировали на Лолины новшества неадекватно. Попугай Перришон в клетке, прикрытой платком, сидел тихо, но кот, проснувшись при свете, считал, что уже утро и требовал внеочередного кормления. Пу И темноты не боялся, поскольку зимой спал у Лолы в кровати.

Еще Лола плохо переносила холод, она ужасно мерзла. Всюду по квартире были расставлены электрические обогреватели, и Леня, вернувшись, попадал в тропическую жару. От духоты болела голова у всех, включая саму Лолу, но упрямица ни за что не давала проветрить комнаты.

В общем, Лолка достала всех своими капризами, и Леня подумывал, не отправить ли их с Пу И куда-нибудь погреться в теплые страны, а они с котом и попугаем пока отдохнут здесь. Трудность заключалась в том, что предложение это никак не могло исходить от него, поскольку упрямая девчонка тут же заподозрит, что он хочет от нее избавиться, и нарочно никуда не полетит. Леня терпеливо ждал, когда Лола сама придет к этой мысли, но терпение его было уже на исходе.

Вот и сегодня Лола поднялась поздно, жалуясь на головную боль и слабость. Леня с утра успел сбегать в магазин за свежими булочками, прикупил еще в кофейне на углу ароматных кофейных зерен и смолот их на ручной мельнице. Кроме этого, он сумел перед уходом вытащить из Лолкиной

кровати Пу И и унести его с собой на прогулку. Это не дело, что собака сидит без свежего воздуха. И уж совсем не дело – устраивать лужу перед дверью.

Вернувшись, Леня привязал Пу И к ручке двери, чтобы тот не шлепал грязными лапами по всей квартире, и постучал к Лоле в ванну.

– Выйди и займись своим волкодавом!

Ответ был неразборчив.

Маркиз накормил кота и попугая, заправил кофеварку, сунул в микроволновку успевшие остыть булочки и вышел в прихожую. Пу И по-прежнему сиротливо сидел на коврикe и смотрел с укором.

Он был обижен на весь мир, в частности на Маркиза, – за то, что тот безжалостно вытащил священную храмовую собаку на улицу, в слякоть и мокрый снег. На Лолу – за то, что она оставалась в тепле и уюте, в то время как ее любимый песик (как она постоянно уверяет) мучился на холоде, зябко поджимая свои нежные лапки. На ужасный петербургский климат, так непохожий на климат его исторической родины, мексиканского штата Тихуана. И на кота Аскольда, который в угоду хозяевам научился пользоваться унитазом и даже спускал за собой воду. Ведь, если бы Аскольд не освоил этот трюк, а пользовался, как все порядочные кошки, специальным кошачьим туалетом с наполнителем в виде песка или мелких пористых гранул, Пу И тоже изредка мог бы делать там свои дела, и его не тащили бы на прогулку... Но нет, это-

му пижону Аскольду важнее показать свои необыкновенные способности и удивить хозяев! И еще ему очень нравится нажимать лапой на сливной рычаг и потом следить за потоком воды, с шумом низвергающимся в воронку! Иногда Аскольд проделывает этот фокус «на бис», по пять-шесть раз, пока Лола или Маркиз не выставят его из туалета.

Из-за двери ванной раздавалось Лолино пение. Леня прислушался и нахмурился. Его подруга обладала артистическим талантом и отличным музыкальным слухом. Голос у нее тоже был – не слишком сильный, но приятный. Лола часто напевала для себя, и Леня научился уже определять по репертуару, каково ее настроение.

Если Лола, закрывшись в ванной, пела с надрывом душе-раздирающие романсы типа «Нет, не тебя так пылко я люблю» и «Я ехала домой, я думала о вас...», это значило, что она влюбилась. То есть не то чтобы влюбилась, но увлеклась кем-то, и довольно сильно. Такое Лолино состояние Маркиз, сам себе не признаваясь, очень не любил, потому что Лолка становилась ужасно рассеянная и глупая. На самом деле Маркиз слегка ревновал свою подругу. Хотя между ними имелась твердая договоренность о том, что они связаны только делами, все равно было очень неприятно, когда Лола с нежностью размышляла о другом мужчине. Но такое с Лолкой случалось довольно редко, а точнее, она умела тщательно скрывать свои чувства.

Если Лола с улыбкой на устах напевала мелодии из старых

советских фильмов – что-нибудь типа «Все стало вокруг голубым и зеленым...» или, схватив на руки Пу И, кружилась по комнате и распевала во все горло, глядя в черные глазки-бусинки песика «Помнишь ли ты, как счастье нам улыбалось...», это означало, что все прекрасно, что впереди у Лолы множество замечательных встреч, она еще будет блистать на сцене и на экране и что Пу И – самый замечательный песик на свете. В таком состоянии Лола бывала удивительно хорошенькой, и Леня всегда смотрел на нее с удовольствием.

Бывали у Лолы и другие минуты, когда она пела тихим голосом украинские песни из репертуара своей тетки Калерии Ивановны. Тетя Каля была женщиной темпераментной, и песни, которые она пела с подлинным чувством и огнем в глазах, у Лолы выходили заунывными и тягучими.

Леня переглянулся с Пу И и прислушался.

«Ты, мое сердэ-энько», – мрачно выводила Лола.

Это означало, что жизнь не удалась, что тонкой Лолиной натуре тесно в четырех стенах их комфортабельной квартиры, что домашние ее совершенно не понимают и никогда не поймут, что ее талант среди этих отвратительных толстокожих людей существовать не может и что Лола подумывает о самоубийстве (разумеется, не всерьез).

В общем, как сказал поэт, к Лолиному состоянию очень подходили эти строчки: «В Европе холодно, в Италии темно, жизнь отвратительна, как руки брадобрея...»

В такие минуты Леня предпочитал держаться от своей

партнерши подальше, поскольку Лола могла устроить скандал на пустом месте, просто потому, что у нее плохое настроение.

Однако сейчас он рассердился на Лолку – все время твердит, как она обожает своего ненаглядного чихуа-хуа, а сама не может даже вымыть ему лапы! Но Пу И смотрел так жалобно, что Леня усовестился – животное не виновато, что у него такая ужасная хозяйка. Он нагнулся было к песику, но тут услышал со стороны кухни подозрительные звуки, а точнее, как будто что-то мягкое и упругое упало с холодильника. Это означало только одно: кот Аскольд вспрыгнул на стол. За последнее время кот сильно прибавил в весе. И хотя оставался по-прежнему в отличной спортивной форме и одним прыжком попадал с пола на высокий холодильник, прыжки эти не получались бесшумными.

На столе Леня оставил блюдо теплых булочек, прикрытых салфеткой, которая, разумеется, не служила преградой. В принципе Аскольд булочек не ел, но мог из чисто хулиганских побуждений расправиться с ними по принципу «не съем, так понаядкусываю». Леня очень любил своего кота, но есть с ним из одной тарелки все же не хотел.

Бросив Пу И, он ринулся на кухню и успел спасти булочки. Кот, получив салфеткой по морде, улепетнул под стол, попугай бурно радовался в клетке.

– Черт знает что! – разозлился Маркиз.

– Черт знает что! – донеслось из прихожей. Это Лола на-

конец выбралась из ванной и теперь искала, на ком бы сорвать свое плохое настроение.

– Пуишечка! – фальшиво запричитала она. – Детка, ты все еще не завтракал! Этот ужасный человек привязал тебя к ручке двери!

Пу И негодуяще гавкнул. Маркиз мог бы поклясться, что негодование песика относилось к поведению его хозяйки, но Лола предпочла трактовать все по-своему. Леня решил не вмешиваться и спокойно выпить кофе. Лолка притащилась на кухню, прижимая к груди вырывающегося песика.

– Не мучай собаку! – не выдержал Леня.

– Ах, это я, оказывается, мучаю несчастного Пу И? – мгновенно завелась Лола, и Леня понял, что снова поддался на провокацию.

Леня хотел достойно ответить своей зарвавшейся подруге, но в это самое время зазвонил его мобильный телефон.

Звонил Лев Иванович Аристархов, пожилой коллекционер, хорошо знавший Аскольда – покойного Лениного друга и учителя, которому Маркиз очень многим был обязан.

– Знаю, Леонид, что вы не любите брать заказы, – начал Лев Иванович, – но один мой добрый знакомый попал в сложное положение. Он стал жертвой мелкого мошенника, афериста. Тот украл у него очень ценные марки – это бы еще полбеды, всего лишь денежная потеря, но одновременно с марками пропал и очень важный документ, из-за которого мой друг может серьезно пострадать. Поэтому я решил

обратиться к вам. Подробности дела он сам вам изложит при встрече. Для вас вернуть документ, я думаю, совершенно не составит труда, гонорар будет весьма приличный... В общем, я был бы весьма признателен вам, если бы вы встретились с ним и поговорили.

Леня не собирался в ближайшее время брать заказов, он самостоятельно обдумывал одно очень перспективное дело, но Лев Иванович был другом покойного Аскольда, и это сразу меняло ситуацию. Он уточнил время и место встречи и отключился.

Теперь следовало выпить наконец кофе. О вкусных калорийных завтраках Леня в последнее время забыл и думать. Лолка совершенно распустилась с этой своей депрессией от темноты. Леня сильно подозревал, что депрессию она выдумала исключительно от лени. Леня и сам не слишком любил промозглую петербургскую осень-зиму, но нужно же держать себя в руках!

Кофе, конечно, остыл, и булочки были невкусными. И вообще нужно завтракать в спокойном настроении, а то все калории не впрок пойдут.

Явилась Лола и пошуршала пустой коробкой.

– Ты не купил орехового печенья для Пу И? – возмутилась она.

Леня проигнорировал вопрос и выложил в миску обычные собачьи консервы. Пу И капризничал ровно полторы минуты, после чего принялся с аппетитом есть. Лола убедилась,

что кофе окончательно остыл, негодуяще фыркнула, совсем как кот Аскольд, и ушла в спальню, хлопнув дверью. Маркиз подумал немного, опасливо поглядел на дверь кухни и доел две последние булочки.

Когда он уже оделся и собирался выйти из квартиры, в прихожей появилась Лола. Она была облачена в длинный нежно-розовый махровый халат, соответствующий утреннему безоблачному настроению, но лицо Лениной подруги не предвещало ничего хорошего.

– Куда это ты собрался? – проговорила она, подбоченившись.

Она была голодна и от этого злилась еще больше.

– На деловую встречу, – отозвался Маркиз, пряча глаза и гремя замками.

Новая ссора с подругой не входила в его планы.

– Ах, на деловую встречу! – передразнила его Лола. – А я и не знала, что мы сейчас работаем! Или мы с тобой больше не компаньоны и ты не обсуждаешь со мной свои дела?

– Компаньоны, дорогая, конечно, мы с тобой компаньоны! – покладисто ответил Леня, избравший в данный момент соглашательскую политику. – Куда же я без тебя... Просто сейчас я очень тороплюсь, меня ждет заказчик, а как только вернусь, мы обязательно все с тобой обсудим...

– Вот как! – гневно воскликнула Лола. – Значит, теперь ты просто ставишь меня перед фактом, как наемную рабочую силу! Как секретаршу или... или уборщицу! У тебя уже есть

заказчик, значит, ты все решил, взялся за работу, даже не посоветовавшись со мной!

Из-за Лолиной ноги высунулась любопытная остренькая мордочка. Пу И, как всегда, хотел находиться в центре событий, даже при том, что кто-нибудь из компаньонов запросто мог его ушибить в пылу ссоры.

– Посмотри на него, Пу И! – с театральным пафосом воскликнула Лола, увидев песика и призывая его в свидетели. – Этот человек – твой хозяин! После этого неудивительно, что ты иногда так ужасно себя ведешь! Во всем виновато его дурное влияние!

– Но, дорогая, его хозяйка в гораздо большей мере ты, а не я, – осмелился возразить Леня.

– Пу И! – тут же взвилась обрадованная Лола. – Он от тебя отказывается! Так я и знала! Бедный песик, если со мной что-нибудь случится, этот ужасный человек сдаст тебя в детский дом!

– Чего? – Маркиз разинул рот, забыв даже возмутиться. – Разве есть детские дома для собак? Ты ври, да не завирайся! И вообще, занялась бы чем-нибудь полезным! Хотя что с тебя взять... Обед, конечно, не приготовишь... Ну да ладно, меня клиент пригласил...

Лоле очень хотелось есть. Еще ей осточертело сидеть в пустой квартире. Ей захотелось пойти куда-нибудь на люди, чтобы было шумно, тепло и светло, чтобы играла музыка... Может быть, попроситься с Ленькой? Но нет, он ни за что не

станет ждать, пока она соберется. Противный какой!

Она снова повернулась к Лене и проговорила с хорошо отработанной трагической интонацией:

– Ты можешь, конечно, идти куда вздумаешь, но не удивляйся, если начнутся неприятности, и помни – я тебя предупреждала!

Леня поскорее выскочил из квартиры. Он очень ценил свою боевую подругу и прекрасно к ней относился, но иногда Лолка бывала просто невыносима.

Встреча с потенциальным заказчиком была назначена в ресторане «Зеленый дворик». Ресторан открылся недавно, Леня в нем еще не бывал и решил, что соединит приятное с полезным.

На одной из тихих улочек Петроградской стороны Маркиз увидел скромную вывеску из темного дерева. Он толкнул дверь и сразу же из сырого и промозглого петербургского ноября попал в кавказское лето. Внутри помещение ресторана действительно напоминало зеленый дворик в Тбилиси или Баку. Стены из грубого камня увивал плющ и дикий виноград (наверное, искусственный, но очень хорошо сделанный), зал был обставлен простыми деревянными скамьями и столами. Под потолком для красоты были развешаны домотканые коврики, тележные колеса и глиняные кувшины.

Леня отдал пальто гардеробщику, надменной осанкой напоминавшему отставного члена Политбюро. К нему тут же

подскочил смуглый парень в шелковой рубаше навыпуск, подпоясанной узким наборным ремешком.

– Вас ждут, – негромким доверительным голосом сообщил он Маркизу и проводил его в дальний конец зала, где в неглубокой нише, наполовину огражденной от остальных посетителей деревянной, увитой искусственным плющом решеткой, сидел за темным дубовым столом начинающий полнеть мужчина примерно одного с Леной возраста.

Маркиз представился, мужчина ответил, что его зовут Вадимом. Официант налил им из большого глиняного кувшина свежий айран с зеленью и подал меню. Маркиз подошел к заказу обстоятельно. Он поговорил с официантом и выбрал баранину на ребрышках, кукурузные лепешки с зеленью и сыром, свежие овощи и бутылку настоящего мукузани. Его соотрапезник также задумчиво просмотрел меню и заказал запеченную с травами севанскую форель под гранатовым соусом.

Когда официант бесшумно удалился, Леня поднял глаза на своего нового знакомого и негромко проговорил:

– Лев Иванович сказал мне, что у вас большие неприятности?

– Неприятности – это неверное слово, – Вадим тяжело вздохнул, – неприятности – это неожиданный визит налогового инспектора или приезд тещи из Краснодара... Впрочем, я не женат и соответственно не обременен тещей. В моем случае все гораздо серьезнее. Можно без преувеличения

сказать, что для меня это – вопрос жизни и смерти.

– Рассказывайте, – Леня подлил в свой стакан прохладного айрана и откинулся на спинку стула, приготовившись слушать.

– У меня есть сестра, – начал Вадим, – она очень нескладная, бестолковая и невезучая. У нее неустроенная личная жизнь, нет приличного образования и нормальной работы. Но она – моя сестра, и этим все сказано.

Леня кивнул, показывая, что внимательно слушает.

– Я много раз пытался пристроить ее на работу, но ни на одном месте она не удерживалась больше месяца. Под тем или иным благовидным предлогом ее увольняли. Моя... подруга постоянно пытается подыскать ей какого-нибудь мужчину, думаю, не совсем бескорыстно – но тоже безрезультатно. Мужчины шарахаются от моей Люси как черти от ладана. Наконец примерно неделю назад, на одном вернисаже, Люся подцепила одного вольного стрелка. Воспользовавшись тем, что меня не было в городе, она привела его домой...

– Как я понимаю, вы живете вместе? – уточнил Маркиз.

– Да, – Вадим сдержанно кивнул, – учитывая Люсин характер, я не рискую отселить ее. Это может очень плохо кончиться. Итак, она привела его домой... и больше ничего не помнит.

– Снотворное? – с интересом спросил Маркиз.

– Вероятно, – Вадим прикрыл глаза, – причем эта дуреха больше всего расстроена тем, что ее ночной гость пренебрег

ее прелестями и не трахнул ее.

– По-видимому, у него были другие интересы, – предположил Леня.

– Конечно, – Вадим тяжело вздохнул, – усыпив сестру, он посетил мой кабинет и вскрыл письменный стол.

– Вы держите ценности в письменном столе? – Маркиз удивленно поднял брови.

– Держал, – печально признался Вадим, – понимаю, что глупо... Но я считал, что это достаточно надежно – в нашем доме охрана, кабинет запирается, стол – тоже. Кроме того, самое ценное, что у меня обычно лежит в столе, – это марки, а их я держал под рукой.

– Их и взяли?

– Их – тоже, – Вадим выдержал небольшую, но очень многозначительную паузу, – думаю, что вор шел именно за марками, по серьезной наводке. Особенно дорогой была одна, я купил ее по случаю в составе целой коллекции и только недавно убедился, что она представляет очень большую ценность. Ну, конечно, сказал об этом одному-двум филателистам...

– Неразумно. – Леня покачал головой. – И сколько она стоит?

– Около трехсот тысяч...

– Долларов?

– Евро, – уточнил Вадим, – но не в этом дело. Эту потерю я перенес бы, огорчился, но перенес. Но вор прихватил один

документ... всего лишь листок бумаги, но из-за него я могу лишиться всего...

– Всего? – осторожно, со значением переспросил Леня.

– Всего, – кивнул Вадим, – в том числе жизни. Самое глупое, что вор, по-видимому, взял документ совершенно случайно. Ему нужно было во что-то положить марки, и он взял в столе папку. А в папке лежала бумага... Он даже не представляет себе ее ценности! – Последнюю фразу Вадим едва не выкрикнул, и его лицо мучительно скривилось.

К столу подошел официант с подносом, и мужчины на какое-то время замолчали.

– Хорошая баранина, – прервал наконец Леня молчание. – А почему вы так поздно спохватились? Ведь вы сказали, что кража случилась неделю назад? Или вас все это время не было в городе?

– Нет, – Вадим тяжело вздохнул, – я обнаружил кражу на следующий день.

– Тогда нужно было сразу же, по горячим следам, начать действовать.

– Я и начал! – Мужчина отодвинул тарелку с форелью, судя по всему, аппетит у него пропал. – Я нанял частного детектива. Он успел выяснить личность похитителя и собрался приступить ко второй стадии работы, но именно тогда и погиб в автомобильной катастрофе.

– Вам это не показалось подозрительным? – Леня пригубил вино и поверх бокала внимательно взглянул на своего

собеседника.

– В первый момент – нет... а теперь я уже допускаю мысль, что авария была не случайной.

– И после этого вы обратились к Льву Ивановичу? – задал Леня следующий вопрос.

– Не сразу, – признался Вадим, – я нанял еще одного детектива. Это произошло два дня назад.

– И что же?

– Он ведет себя как-то странно... кажется очень напуганным, отказывается от встречи со мной... предлагает возвратить аванс...

– Вот уж действительно странно! – усмехнулся Леня. – Чтобы частный детектив вернул аванс – это что-то небывалое!

Вадим, кажется, не заметил Лениной иронии. Он продолжил:

– Тогда я и обратился к Льву Ивановичу, а он посоветовал мне поговорить с вами...

– Вы сказали, что тот, первый детектив, который попал в аварию, успел выяснить личность вора. Кто же он такой?

– Брачный аферист.

– О! – Леня заинтересованно придвинулся к собеседнику. – Большая редкость в наше время! Вымирающая профессия! Скоро их можно будет заносить в Красную книгу!

– Мне не до шуток! – поморщился Вадим. – Я уже сказал вам, что для меня вернуть тот документ – вопрос жизни и

смерти!

– Не хочу вас обидеть, – Маркиз понизил голос и огляделся, – но вы только что сказали, что первый человек, взявшийся за ваше дело, погиб... Так что для меня это тоже может стать вопросом жизни и смерти. И я, позволю себе напомнить, еще не дал согласия...

– Умоляю вас! – Вадим перегнулся через стол и схватил Леню за руки. – Умоляю вас! Спасите меня! Лев Иванович сказал, что для вас нет ничего невозможного! Что вы можете все!

– Такое мнение для меня весьма лестно, – Маркиз осторожно высвободил руки и немного отодвинулся, – но не думайте, что меня можно купить на грубую лесть. Если я возьмусь за это дело, то только ради Льва Ивановича, который был близким другом моего покойного учителя.

– Я готов заплатить вам любой гонорар! – воскликнул Вадим. – Столько, сколько вы скажете!

– Не кричите так, на вас оглядываются. Вопрос о гонораре пока рано поднимать, я еще не дал согласия. Для начала объясните, как связаться с вашим детективом – с тем, который пока еще жив. Думаю, если он так напуган – значит, ему удалось уже что-то узнать. Я попробую встретиться с ним в спокойной, непринужденной обстановке и выяснить, что именно ему известно.

Вадим протянул через стол клочок бумаги, на котором был написан телефонный номер.

– Это номер мобильного, который он оставил мне для экстренной связи. Он сказал, что звонить по этому номеру можно только один раз, в самом крайнем случае, и говорить не больше сорока секунд.

– Понятно, – пробормотал Маркиз, – боится, что за большее время телефон засекут и его владельца найдут... предусмотрительный юноша!

– Не сказал бы, что он юноша, – возразил Вадим, – насколько я понял, он сотрудник МВД на пенсии.

– Что ж, – Маркиз допил вино и поставил бокал, – значит, предусмотрительный пенсионер.

Распрощавшись с Вадимом и покинув ресторан, Леня направился к ближайшему салону связи – офису, где можно купить и тут же подключить к сети мобильный телефон. Маркиз покрутился возле салона несколько минут и наконец заметил неприметного, битого жизнью мужичка в сильно поношенном пальто, с озабоченным и ищущим взглядом и следами физических и нравственных страданий на лице.

– Паспорт есть? – деловито осведомился Маркиз, подойдя к мужичку на расстояние непосредственного контакта.

– А как же! – Тот расплылся в довольной улыбке. – С того и живем, с того и кормимся! Нам без паспорта никак нельзя!

– Ну-ну, – Леня протянул руку.

– Двести рубликов, – прошептал мужичок, придерживая бордовую книжечку, – такса известная!

– Кто бы спорил! – Маркиз отдал две бумажки и стал временным владельцем паспорта на имя Манаенкова Бориса Питиримовича.

Церковнославянское отчество показалось ему слишком изысканным и запоминающимся, но выбора не было. Он вошел в салон связи, купил там недорогой мобильный телефон и зарегистрировал его на имя Манаенкова. Выйдя из салона, вернув Манаенкову его драгоценный документ и, проследив за тем, как Борис Питиримович стремглав бросился к ближайшему магазину за лекарством от тяжелого хронического похмелья, Леня набрал на клавиатуре нового телефона полученный от Вадима номер.

Несколько минут никто не отзывался, и Маркиз уже подумал, что второй детектив либо разделил судьбу первого и тоже стал жертвой дорожной аварии или какого-нибудь стихийного бедствия, либо настолько испуган, что выбросил телефон и окончательно лег на дно. Однако длинные гудки наконец прервались, и сухой настороженный голос проговорил:

– Слушаю.

– Я звоню вам по поручению Вадима, – начал Леня.

Он помнил, что его собеседник поставил обязательным условием, что продолжительность разговора не должна превышать сорок секунд, поэтому все общение было заранее подготовлено и прохронометрировано.

– Знаете «Атриум» на Невском? Крытый дворик за мага-

зином «Стокман»?

– Да, – коротко подтвердил детектив.

– Там, за столиком кафе, через час. Держите в руке газету «Телезритель», у меня будет такая же.

– Понял, – ответил настороженный голос, и разговор прервался.

За две минуты до назначенного времени Леня вошел в крытый дворик.

За столиками вокруг фонтана потягивали кофе из крошечных чашечек и болтали о пустяках хорошенькие, элегантно одетые девушки, явно не обремененные никакими делами и заботами. Менее обеспеченную публику цены в этом кафе держали на безопасном расстоянии.

Среди этого цветника резко выделялся пожилой мужчина в старомодном сером габардиновом плаще. Он сидел один за столиком спиной ко входу, и даже если бы на столе перед ним не лежала газета, Леня ни на секунду не усомнился бы, что перед ним – именно тот человек, с которым ему нужно было поговорить, отставной сотрудник МВД, а в настоящее время – частный детектив.

Леня приблизился к столику детектива и негромко проговорил:

– Однако вы удивительно точны.

Мужчина ничего не ответил, больше того, он даже не повернулся к Лене и никаким жестом не отреагировал на его

слова. Это показалось Лене чрезвычайно подозрительным. Он обошел столик и заглянул в лицо предусмотрительного пенсионера.

Глаза мужчины были полуприкрыты тяжелыми набрякшими веками, в уголке рта набух пузырек слюны. Мужчина ничего не видел, ничего не слышал, больше того – он не дышал. Все принятые им меры предосторожности оказались недостаточны. Конечно, можно было предположить, что детектив внезапно скончался от острой сердечной недостаточности или от какой-то другой естественной причины – в его возрасте это вполне возможно, однако Ленья не верил в такие удивительные совпадения.

На столе перед мертвецом стояла полупустая чашечка кофе. Маркизу очень хотелось взять немного этого кофе на анализ, чтобы выяснить – не от него ли остановилось сердце детектива. Еще ему хотелось осмотреть карманы мертвеца. Вполне возможно, что там найдется что-нибудь интересное. Однако вокруг было так много свидетелей, что Ленья предпочел сделать вид, что он совершенно незнаком с этим странным посетителем, пройти мимо него не задерживаясь и тихо удалиться из крытого двора, пока никто из окружающих красоток не заметил, что мужчина за соседним столиком мертв.

Впрочем, он представлял для них так мало интереса, что они могли не заметить этого до самого закрытия кафе.

Маркиз сел в свою машину и задумался. Самое умное, что он мог бы сейчас сделать, – позвонить Вадиму и отказаться от задания, причем в такой резкой форме, чтобы тот понял, что Маркиз не шутит и не набивает себе цену. Однако это немедленно станет известно Льву Ивановичу Аристархову. Судя по всему, заказчик находится с ним в близких отношениях, старый жук не стал бы просить за малознакомого человека. Конечно, он знал покойного Аскольда, но Ленино почитание памяти своего друга и учителя не настолько сильно, чтобы он рисковал собственной жизнью.

Насколько Маркиз знал Аристархова, тот мало с кем был в близких отношениях, его связывали с людьми в основном различные дела. Заказчик Вадим просил Аристархова об услуге, и раз тот согласился, значит, надеется, что Вадим эту услугу ему когда-нибудь вернет. Аристархов, в свою очередь, при случае чем-нибудь поможет ему, Лене Маркизу. Если же он сейчас откажется, то Аристархов затаит на него обиду и при случае отплатит. Уж он найдет, каким образом это сделать. Сильно подгадить он Лене не сможет, но иногда и мелочи имеют большое значение.

Леня Маркиз был человеком осмотрительным. Кроме того, он придавал большое значение отношениям между людьми и всегда старался без повода людей против себя не восстанавливать.

Но – два убийства... Два убийства – это серьезно. После того как он увидел собственными глазами, что второго част-

ного детектива отравили, предполагать, что первый частный детектив попал в обычную аварию, было бы просто глупо. Однако нужно на что-то решаться. И Леня позвонил заказчику, сообщив ему, что попробует разобраться в этом сложном деле, но оговорив для себя возможность действовать по-своему.

Теперь перед ним стояла самая трудная задача – объяснение с Лолой. Что-то подсказывало Лене, что в деле, где замешан брачный аферист, без женщины ему не обойтись. Но для начала следует разведать ситуацию самому.

Маркиз припарковал машину напротив дома, где жил его потенциальный объект, и еще раз внимательно просмотрел полученные от Вадима данные. Василий Петрович Зайкин, тридцать девять лет. Проживает вдвоем с матерью Ниной Арнольдовной.

Кроме отчества матушки, все было такое обыкновенное, такое славное, вызывающее симпатию... одна фамилия чего стоит! И лицо Василия на фотографии – доброжелательное, простое, улыбчивое... На этого человека можно положиться, ему можно доверить самое дорогое.

Леня несколько не сомневался: человек с такой вызывающей доверие внешностью – несомненно, аферист. У порядочного человека не может быть таких умопомрачительно честных глаз, такой светлой, доверчивой улыбки, такой трогательной ямочки на подбородке. Одно непонятно: настоя-

щие аферисты избегают насилия, а тут уже два труп... что весьма странно и не вяжется со светлым образом Василия Зайкина.

Дверь подъезда открылась, и на улицу вышел мужчина среднего роста в черном кашемировом пальто. Леня на всякий случай сверился с фотографией, хотя у него и без того не было сомнений: перед ним был Василий Петрович.

Живой Зайкин оказался еще лучше, чем на фотографии. Умеренная полнота, приличная, дорогая, но не слишком модная одежда, идеально отглаженные брюки, сверкающие ботинки, но самое главное – лицо, выражавшее одновременно спокойную надежность и трогательную незащищенность. Эти два столь редко сочетающихся качества создавали совершенно уникальный эффект.

Леня понял секрет Зайкина. За такого человека каждая женщина хотела бы выйти замуж. Он выглядел совершенно идеальным спутником жизни. Маркиз, обладавший исключительным умением войти в чужой образ, поставить себя на место другого человека, осознал, что если бы он был женщиной, то ему, несомненно, захотелось бы пойти с Зайкиным под венец. В его ушах зазвучали мажорные звуки свадебного марша Мендельсона. Причем, что интересно, Зайкин не должен был вызывать у женщин сильных сексуальных эмоций. Он производил впечатление идеального мужа, но вовсе не любовника.

Василий Петрович огляделся и медленно пошел по улице.

Пройдя два квартала, он свернул во двор. Леня хотел было выйти из машины и проследовать за ним, но в это время из ворот, в которые только что вошел Зайкин, выехал темно-синий «Фольксваген Пассат», за рулем которого сидел Василий Петрович.

Леня отметил, что машина совершенно соответствует образу Зайкина – не самая дорогая, но надежная и респектабельная. «Пассат» влился в поток машин, и Леня поехал следом.

Василий Петрович направлялся в центр города. Он притормозил возле станции метро и купил небольшой, но очень приличный букет – белая лилия и две розы. Леня держался на некотором расстоянии за ним, стараясь не упустить синий «Фольксваген» из виду. Впрочем, это было нетрудно – Зайкин ехал не спеша, соблюдая все правила и уступая дорогу нервным и торопливым водителям.

Наконец он остановился перед подъездом элитного, только что отремонтированного дома. Роскошный фасад, дорогие стеклопакеты в окнах, видеокамера над дверью – все говорило о благосостоянии жильцов. Не прошло и минуты, как из подъезда выпорхнула дама в роскошной шиншилловой шубе. Впрочем, сказать, что она выпорхнула, было не совсем правильно. Дама была весьма в теле и обладала грацией молодого носорога.

Зайкин выскочил из машины навстречу ей, протянул букет и запечатлел на пухлой щечке поцелуй. Затем он помог

своей избраннице забраться в машину, вернулся на водительское место и поехал дальше.

Леня был чрезвычайно заинтересован: он явно наблюдал Василия Петровича за работой и не мог не признать его высокого профессионализма.

Синий «Фольксваген» остановился перед роскошным особняком, в котором недавно разместился популярный театр «Петербург-балет». Улица перед театром была заставлена дорогами автомобилями: видимо, сегодня здесь собрался весь городской бомонд. С некоторым удивлением Маркиз прочел на афише, что в театре идет «Пиковая дама».

Зайкин со своей шиншиловой спутницей исчезли в фойе. Леня, которого разбирало любопытство, поставил свою машину на свободное место и тоже направился ко входу, рассчитывая, что возьмет билет у перекупщиков. Действительно, к нему тут же приблизился вертлявый молодой человек и процедил сквозь зубы:

– Билетики нужны?

– Один возьму, – отозвался Маркиз, – сколько?

– Триста, – сообщил перекупщик.

Леня немного удивился такой доступной цене и протянул парню три сторублевых бумажки.

– Дядя, ты что – с дуба рухнул? – Парень смотрел на него как на ненормального. – Они в кассе по три тысячи!

– Так ты же сам сказал – триста!

– Триста баксов, тундра!

Леня немного поскуучнел, но полез в бумажник – ему хотелось проследить за Зайкиным. Отдавая парню деньги, он примирительно проговорил:

– Не кипятись, я ваших цен не знаю... триста так триста.

Жучок протянул ему билет и негромко, но достаточно внятно пробормотал:

– Понаехали тут... с буранных полустанков!

Войдя в зал, Леня понял, что билеты на этот спектакль действительно не могли стоить триста рублей: вокруг прохаживались женщины в вечерних платьях, сверкая бриллиантами и обнаженными плечами, и мужчины в дорогих костюмах от престижных итальянских дизайнеров. Зал был не очень велик, и Маркиз вскоре нашел Зайкина и его спутницу. Они сидели во втором ряду, вполголоса переговариваясь. К счастью, Ленино место оказалось недалеко от них, и можно было спокойно вести наблюдение.

Прозвенел третий звонок, и бархатный занавес медленно поднялся.

Леня недоверчиво уставился на сцену.

Декорации изображали Красную площадь с Мавзолеем посередине. На Мавзолее выстроились в ряд высшие партийные руководители, а по сцене – то есть по площади – двигалась толпа рыдающих граждан. Вскоре стало ясно, что на сцене разворачиваются похороны Сталина. Леня никак не мог понять, при чем здесь «Пиковая дама», хотя оркестр

действительно исполнял хорошо знакомую музыку Чайковского? Наконец зазвучал дуэт Лизы и Полины. Обе девушки оказались комсомолками и стахановками. Узнав, что Герман – капитан госбезопасности, Леня окончательно заскучал и перестал следить за действием, сосредоточившись на объекте своего наблюдения.

Кое-как дотянув до антракта, Леня протолкался поближе к Зайкину, чтобы не выпускать его из поля зрения. Спутница Василия скрылась в дамской комнате. Зайкин, вместо того чтобы дожидаться ее, неторопливо вышел в фойе. Леня издали с интересом наблюдал за его действиями. Он заметил, что в том же направлении двинулась едва ли не половина зрителей – видимо, сочетание Чайковского с советской тематикой не одному Лене показалось несъедобным, и богатенькая публика, отметившись на модной премьере, решила отправиться в более привычные места, где можно послушать что-нибудь более доступное – например, «Блестящих» или «Руки вверх».

В гардероб выстроилась небольшая очередь. Зайкин с самым скромным видом пристроился в ее конец. Леня наблюдал за ним из-за колонны. Когда подошла очередь Василия Петровича, он протянул гардеробщику два номерка, получил свое пальто и шиншилловую шубу дамы и растворился в толпе перед выходом.

Маркиз усмехнулся, представив растерянность толстушки, когда она обнаружит одновременную пропажу и кавале-

ра, и шубы, и подумал, о чем она будет сожалеть больше.

Зайкин и его бизнес были ясны как на ладони. На взгляд самого Лени, обманывать глупых, некрасивых богатых женщин – скверное занятие: недостойно эксплуатировать естественное стремление к счастью.

Сам Леня был настоящий джентльмен и всегда следовал незыблемому принципу: никогда не обижать женщин и детей.

Леня вышел на ступени перед выходом из театра и увидел, как Зайкин, с большим пакетом в руках, сел в синий «Фольксваген» и неторопливо вырулил со стоянки – видимо, он нисколько не спешил, уверенный, что его спутница все еще «пудрит носик». Леня проследил за ним и вернулся в фойе. Он хотел одеться и тоже отправиться домой – сегодня больше ничего интересного узнать не удастся.

В сегодняшней операции Зайкина Маркизу была непонятна только одна деталь. Василий привез толстушку в театр на машине, значит, она может запомнить ее номер и найти по ней подлого изменника... Что-то здесь не так!

Леня достал мобильный и позвонил своему старому знакомому по кличке Ухо, который как никто другой разбирался в автомашинах, мог угнать любую, от инкассаторского броневика до циркового фургона, что и делал иногда по Лениному заказу. Кроме того, он мог почти мгновенно разобрать любую машину на запчасти и снова собрать, вдвое улучшив ее ходовые качества и внешний вид. Естественно,

у такого крупного специалиста была полная компьютерная база данных всех машин города и области.

Леня назвал приятелю номер темно-синего «Фольксвагена» и попросил установить его владельца.

Через десять минут Ухо перезвонил и сообщил, что «Фольксваген» с таким номером принадлежит вовсе не Василию Петровичу Зайкину, а некоему Платону Виленовичу Россомахину, доктору наук и академику. Сообщил он также телефон и адрес академика Россомахина.

Леня вспомнил, что как-то в телевизионной передаче видел академика Россомахина – загорелый подтянутый старик весьма увлекательно рассказывал о своем путешествии в бассейн реки Амазонки, где он разыскивал следы древней индейской цивилизации.

Чтобы окончательно проверить свою версию, Леня набрал номер телефона, который продиктовал ему Ухо. В трубке раздался щелчок, и энергичный мужской голос, записанный на автоответчике, бодро сообщил:

– Вы позвонили в квартиру академика Россомахина. Ближайший год меня не будет, все сообщения передавайте на кафедру в институт, а наиболее срочные – на мое имя в отель «Радиссон» в Тананариве.

Все ясно! Леня отключил телефон.

Легкомыслие некоторых людей просто потрясает! Академик Россомахин уехал на целый год на край света, да еще и не поленился сообщить всем об этом посредством автоот-

ветчика. Предприимчивый Василий Зайкин угнал его машину, зная, что целый год никто не станет ее искать, и пользуется ею в тех случаях, когда ему нужно сохранить инкогнито. Причем, скорее всего, после сегодняшней успешной операции он машиной Россомахина больше не воспользуется, поскольку обкраденная толстушка вполне может сообщить ее данные в розыск.

Хотя из чисто психологических соображений Леня думал, что она никуда не станет сообщать о сегодняшней краже, чтобы не стать посмешищем в чужих глазах, а проплачет полночи в подушку и постарается как можно скорее забыть и шубу, и галантного Василия.

В этом и заключается несомненный плюс профессии брачного афериста: обманутые женщины очень редко пытаются добиться справедливости, им просто стыдно рассказывать посторонним людям о собственной глупости. Тем не менее Василий наверняка из соображений безопасности пользуется по очереди несколькими угнанными машинами.

Портрет Зайкина вполне отчетливо вырисовался перед Леной. Обаятельный аферист пощипывает богатых дамочек, не гнушаясь украшениями и шубами, и живет в свое удовольствие. При этом он работает исключительно в одиночку. История с сестрой Вадима немного отличалась от сегодняшней – ценные марки он украл явно на заказ, по чьей-то наводке, но это, в конце концов, не так уж важно. Гораздо больше удивляло Маркиза другое – смерть двух нанятых

Вадимом частных детективов. В том, что обе смерти связаны с попыткой следить за Василием, не приходилось сомневаться. Но такие мелкие аферисты никогда не склонны к насилию, а уж убийство для них – вещь просто невозможная.

Леня оделся и вышел на улицу. Он хотел уже направиться к своей машине, как вдруг обратил внимание на происходящую перед ней сцену.

Здоровенный детина совершенно бандитского вида, с бритым до блеска черепом, в длинном черном пальто, стоял перед Лениной машиной и ругался.

– Какой козел, в натуре, поставил здесь свою тачку? Мне теперь, конкретно, не выехать! Ноги, блин, поотрываю!

Действительно, Ленина машина стояла перед огромным сверкающим джипом, перегораживая ему выезд со стоянки. Лениной вины в том не было: когда он ставил свою машину, вокруг было достаточно свободного места, и джип вполне смог бы проехать, но после этого припозднившиеся зрители припарковали рядом еще несколько иномарок.

Маркиз на долю секунды заколебался, заявить ли ему права на машину или малодушно постоять в сторонке и дожидаться, пока ситуация сама так или иначе рассосется. Но в это время события на стоянке начали развиваться с умопомрачительной скоростью.

Браток, которому надоело непривычное бездействие, от слов перешел к делу. Он сел в свой джип, слегка подал назад и решительно толкнул Ленину машину хромированным

металлическим бампером, надеясь таким способом освободить себе дорогу.

Однако он явно не ожидал того, что за этим последовало.

Ленина машина со страшным грохотом взорвалась, озабив стоянку темно-багровым пламенем. Она подскочила в воздух и тут же разлетелась на части, причем огромный кусок пылающего покореженного металла упал на капот джипа, изрядно попортив его.

Браток, испуганно матерясь, выскочил из своей машины и уставился на догорающие останки Ленинского автомобиля. Вид у него при этом был такой растерянный, что с него вполне можно было написать новый вариант известной картины «Не ждали».

Сам Леня решил поскорее ретироваться, чтобы не оказаться замешанным в какие-нибудь разборки.

Он отошел подальше от театра и поймал частника. По дороге домой он безуспешно пытался успокоиться и думал о том, как ему повезло, что машина взорвалась без него.

И еще он думал, насколько же опасным оказывается простое наблюдение за таким безобидным с виду брачным аферистом с трогательной и внушающей симпатию фамилией Зайкин.

Но вот как раз теперь Леню Маркиза ужасно заинтересовало это дело, уж очень захотелось понять, кто же он такой – Вася Зайкин. Кроме того, не родился еще тот человек, который может безнаказанно взрывать Ленины машины. Хотя,

конечно, для слежки он угнал первые попавшиеся «Жигули», которые никак нельзя было назвать своими, но дело не в машине, а в принципе.

Василий открыл дверь своими ключами и вошел в прихожую.

– Васенька, это ты? – донесся из комнаты мамочкин голос.

– Конечно, я, мамочка, кто же еще! – Василий повесил пальто, вошел в мамочкину комнату и увидел обычную картину: мамочка, в лиловом спортивном костюме, крутила педали велотренажера.

– Мамочка, не переутомляйся! – Вася подошел к ней и чмокнул в щеку. Щека была намазана питательным кремом с запахом кокоса, и Василий вытер губы носовым платком, прежде чем закончить фразу:

– Тебе могут быть вредны чрезмерные нагрузки.

– Ты намекаешь на мой возраст? – Мамочка хихикнула. – Это невежливо! Васенька, ты не забыл, что у нас кончились йогурты?

– Конечно, мамочка, я купил твой любимый – яблоко с грушей.

– Но, я надеюсь, не жирный?

– Конечно, нет, полтора процента.

– Умница! – Мамочка замедлила вращение педалей, затем остановилась и слезла с тренажера. Придирчиво осмотрев сына, она проговорила:

– Тебе пора к парикмахеру. Ты очень зарос. Запишу тебя на следующий вторник к Марианне.

– Хорошо, мамочка. – Василий плюхнулся в кожаное кресло. – Чем ты сегодня занималась?

– Как обычно. Пробежка, бассейн, визит к косметологу... В моем возрасте нельзя запускать себя.

– Ты прекрасно выглядишь, мамочка.

– Кстати, Вася, я сегодня разговаривала с Олимпиадой Степановной. Ты помнишь Олимпиаду?

– Московскую? На которой был мишка-талисман?

– Перестань придуриваться! Мою старинную подругу Олимпиаду Степановну Свешникову!

– Ну конечно, мамочка, я помню Олимпиаду Степановну! Кто же не помнит Олимпиаду Степановну!

– Так вот, у нее есть племянница. То есть не совсем племянница, более дальняя родственница, но это неважно. Очаровательная девушка, с прекрасным характером, высшим образованием и средней музыкальной школой. Играет на фортепьяно, говорит на трех языках...

– И вышивает болгарским крестом похоронные саваны, – насмешливо закончил за нее Василий.

– Прекрати! Действительно чудная девушка!

– И сколько лет этому сокровищу?

– Всего тридцать пять!

– Я себе представляю! – Василий сладко потянулся. – Мамочка, я тебя умоляю, оставь эти дурацкие хлопоты! Если я

захочу жениться, я сам найду себе подходящую невесту...

– Васенька, как ты можешь так говорить! Я твоя мать и хочу наконец дожить до внуков! Я вижу, что ты слишком скромн, стеснителен, не умеешь ухаживать за девушками, я не могу пустить такое важное дело на самотек! Ты совершенно не разбираешься в женщинах, и тебя может обвести вокруг пальца первая попавшаяся вертихвостка!

– Моя единственная женщина – это ты! – Василий снова потянулся к мамочке, чмокнул ее в намазанную кремом щеку и вытер губы. – Нам хорошо вдвоем, и больше никто нам не нужен.

– Глупости! – Мамочка недовольно отстранилась. – Тебе уже не двадцать лет! И даже не тридцать! Я хочу дожить до внуков! Я хочу их понянчить! Ну, это, допустим, перебор, но хотя бы увидеть их!

– Доживешь, обязательно доживешь, мамочка! – примирительно проговорил Василий. – Ты проживешь еще сто лет! Ты в прекрасной форме и очень хорошо выглядишь!

– Что у тебя на работе? – озабоченно проговорила женщина. – Надеюсь, ты помирился с начальником?

– Да, мамочка, – Василий снова потянулся, – я помирился с начальником. Он обещал мне повышение.

– Вот видишь! – Мамочка торжествующе вскинула голову. – Мать плохого не посоветует! Очень важно правильно держать себя с начальством и сослуживцами, всячески избегать конфликтов, но при этом не позволять никому садиться

себе на шею...

– Да-да, мамочка, – Василий зевнул, – а мы сегодня будем ужинать?

– Ты прекрасно знаешь, Васенька, что сама я после семи часов ничего не ем, но для тебя я приготовила запеченную лососину. Ты ведь любишь запеченную лососину?

– Обожаю! Я обожаю запеченную лососину и обожаю тебя, мамочка! – Василий еще раз звучно чмокнул ее в щеку и не стал на этот раз вытирать губы – крем уже впитался в кожу. – Ну кто еще будет так меня кормить!

– Я тебя предупреждала! – трагическим театральным голосом воскликнула Лола. – Я говорила тебе, что из этого не выйдет ничего хорошего! Что ты обязательно влипнешь в неприятности и втянешь в них меня!

Леня сидел в глубоком кресле и любовался своей боевой подругой. В гневе она была особенно хороша.

«Все-таки в ней действительно пропадает выдающаяся драматическая актриса, – думал он, – вот сейчас, например, она явно играет Медею... или леди Макбет? Нет, пожалуй, все-таки Медею. Только не надо ей об этом говорить, а то она возгордится и перестанет работать».

Пу И, наоборот, очень не любил, когда хозяйка так бушевала. Он вообще не любил шума, громких голосов и бурных страстей. Чихуа-хуа предпочитал похулиганить в тишине, когда никого нет дома, а потом отдыхать на Лолиной кро-

вати и чтобы было много орехового печенья. Зато Перришону происходящее очень нравилось. Попугай и сам любил поговорить на повышенных тонах, и сейчас он старательно запоминал Лолины интонации, чтобы позднее использовать их в одном из своих маленьких моноспектаклей.

– А теперь, когда у тебя ничего не получилось, ты приходишь ко мне и обращаешься за помощью. Где же ты был раньше, когда я предупреждала тебя и отговаривала ввязываться в это дело?

Леня почувствовал, что Лола начинает выдыхаться и теперь уже можно вставить реплику в ее вдохновенный монолог.

– Лолочка, девочка моя, – проговорил он как можно мягче, – я думаю, что женское платье мне не пойдет.

– Что? – изумленно переспросила Лола. – Женское платье? Леня, ты что – сменил сексуальную ориентацию?

Произошло именно то, на что Леня рассчитывал: его подруга удивилась и утратила свой полемический задор. Она смотрела на Леню, широко открыв глаза, и ждала объяснений. Собственно, это тоже было игрой. Леня прекрасно знал, что Лолке давно уже надоело сидеть в четырех стенах, что ей хочется развлечься, и уговорить ее заняться вместе с ним делом не составит Лене большого труда.

– Ничего я не менял, – терпеливо ответил Маркиз, – просто для того, чтобы подцепить на крючок брачного афериста, нужна женщина. Так сказать, в качестве наживки. Конечно,

ты была бы лучше всех, но из твоего эффектного выступления я понял, что тебя эта роль не интересует. Никакой другой женщине поручить ее я не могу – во-первых, потому, что никому, кроме тебя, не доверяю, а во-вторых, никто, кроме тебя, не сыграет эту роль на должном художественном уровне. Так что придется мне самому переодеваться в женщину. А женское платье мне, как я только что сказал, не пойдет...

Леня был замечательный психолог. Если бы он принял-ся уговаривать Лолу, воздействовать на ее сознательность и чувство долга, приводить ей многочисленные убедительные доводы – у него наверняка ничего бы не вышло. Но, подпустив небольшую дозу грубой лести и показав, насколько она незаменима, Маркиз добился своего.

– Ладно, черт с тобой, – проговорила Лола, усаживаясь в кресло напротив Маркиза, – говори, что нужно сыграть. Все равно ведь ты от меня ни за что не отстанешь...

Пу И понял, что больше шума и криков не будет, и ловко вскочил на колени к хозяйке. Лола не сразу осознала, что он сидит у нее на коленях, а осознав, ласково почесала за ухом, вполголоса проговорив:

– Только ты, Пуишечка, любишь меня совершенно бескорыстно, не заставляешь выполнять трудоемкие и опасные задания...

Пу И посмотрел на хозяйку очень красноречиво, и ее рука сама потянулась к вазочке с ореховым печеньем.

– Итак, – повторила Лола, – что я должна сыграть?

– Самую простую из твоих обычных ролей – роль богатой скучающей дамочки. Это ты играла уже десятки раз, и никаких проблем не должно возникнуть. Единственное, что нужно, – всячески подчеркнуть твою беспредельную обеспеченность. Обвешаться украшениями, как новогодняя елка, напялить дорогое безвкусное платье...

– Почему обязательно безвкусное? – обиделась Лола. – Это, в конце концов, унинительно!

– Потому что ты непременно должна играть дамочку не только богатую, но и глупую – короче, легкую добычу для брачного афериста. Женщина с тонким вкусом, как правило, умна, и Василий может насторожиться и не клюнуть на такую приманку...

– Василий? – удивленно повторила Лола. – Его еще и зовут Василием! Фи, какая пошлость!

– У него еще и фамилия – Зайкин, – посмеиваясь, сообщил Леня, – должен заметить, что она ему очень подходит. И имя тоже, да ты сама скоро увидишь.

– Все-таки я не понимаю, – протянула Лола уже нормальным голосом, без наигранной театральной интонации, – если известно, что этот Зайкин упер марки или что там еще, то отчего твой заказчик не наймет каких-нибудь крутых ребят, чтобы вытрясти из него если не марки, которых, надо думать, у него уже нет, то хотя бы имя человека, которому он их продал?

– Не все так просто, – ответил Леня, чуть помедлив, и

рассказал Лоле про двух частных детективов, точнее про их неудачные попытки вмешаться в личную жизнь Васи Зайкина.

Про свою взорванную машину он умолчал, и правильно сделал, потому что Лола мгновенно завелась.

– Ах, вот как на самом деле обстоят дела! – закричала она так громко, что Пу И в испуге слетел с ее колен и шлепнулся на ковер.

Он твякнул негодующе и убрался подальше от греха, к Лоле в комнату на кровать.

– Короче, – свирепо заговорил Маркиз, которому внезапно все надоело, – ты будешь мне помогать или будешь и дальше придуриваться?

– Что? – Лола изумленно захлопала ресницами.

– Что слышала! – рявкнул Леня. – Осточертели уже твои темные депрессии и гуляние по ночам с фонарем! Спать невозможно!

Лоле и самой уже надоели стоны и жалобы на судьбу и плохую погоду. Она подумывала, не уехать ли на море. Но очень не хотелось оставлять Леньку одного. Этот мерзавец обязательно заведет себе какую-нибудь швабру. С него достанет наглости привести ее в их общую квартиру! Хотя, что это она, конечно, он так не сделает, потому что попугай Перришон обязательно его выдаст. Да и соседи не преминут сообщить Лоле, что в ее отсутствие в квартире побывала какая-нибудь подозрительная блондинка. Или брюнетка. Лола

прекрасно знала, что ее ветреный компаньон всеяден, у него нет никаких особенных пристрастий.

– Во-первых, – холодно сказала Лола, – я бы попросила тебя в разговоре со мной выбирать выражения. Конечно, я понимаю, у тебя было тяжелое дворовое детство, отсюда – пробелы в образовании, но все же думаю, мама говорила тебе, что с женщинами следует разговаривать вежливо.

– Ты мою мать не трогай! – ответил Леня, как и любой другой мужчина на его месте.

Но Лола тоже была не лыком шита. Она не стала оправдываться, прижимать руки к сердцу и уверять, что насчет Лениной мамы она ничего плохого не имела в виду. Она никак не отреагировала на Ленин крик, даже бровью не повела.

– Во-вторых, – также холодно продолжала она, – если бы ты сразу объяснил мне, что нужно делать, мы сэкономили бы кучу времени.

Инцидент был исчерпан. Компаньоны принялись за дело.

– Значит, так, – начал Леня, внимательно оглядывая свою подругу, – никакой слежки Вася Зайкин за собой не потерпит. Стало быть, нужно подсунуть ему богатую девицу, на которую он западет, и прощупать его, так сказать, изнутри.

– Изнутри? – Лола очень артистично подняла брови. – Ты хочешь сказать, что я должна с ним спать? Ну, знаешь...

– Дорогая, как ты могла так обо мне подумать! – Леня прижал руки к сердцу. – Я ни минуты не сомневаюсь, что Вася не станет покушаться на твою добродетель! У него не

тот профиль! Он производит на женщин впечатление порядочного человека. Ты сама сообрази: если бы на его месте был какой-нибудь роковой дьявольский красавец, они бы, конечно, упали в его объятия, но обязательно заподозрили в нечестных намерениях. А Вася такой милый, просто душа. Так красиво ухаживает – букеты, конфеты, театральные билеты... И вовсе не стремится сразу же уложить женщину в постель, что, несомненно, говорит в его пользу. Так что твоей девичьей чести ничего не угрожает.

– Ты считаешь, что я должна представиться ему невинной девушкой? – в сомнении проговорила Лола. – Не явный ли это перебор?

– Нет, если ты сумеешь войти в образ, – ответил Леня, – понимаешь, этот Василий – хороший психолог, он женщин просчитывает с ходу и видит насквозь.

– Ну уж! – усмехнулась Лола.

– Не всех, конечно, но тех, кто ему подходит, – поправился Леня, – и что он подумает, если увидит тебя при полном, так сказать, параде? Красивая богатая женщина, явно имеет успех у мужчин, и ему с тобой ничего не светит. А если ты сама проявишь к нему интерес, он сразу же заподозрит неладное.

– Что ты объясняешь мне очевидные вещи! – рассердилась Лола.

– Значит, нужна девица – глупая, толстая и некрасивая.

– Почему непременно толстая? – надулась Лола.

– Потому что если некрасивая и худая, то обязательно стерва! – выдал Маркиз житейское наблюдение. – И не спорь, я знаю. От таких можно любой пакости ожидать, а Василию осложнения не нужны. Так что придумай там что-нибудь, чтобы внешне потолстеть.

У Лолы было великое множество тряпок. Одежду для себя она выбирала с большим вкусом. Все это были отличные дорогие вещи, сидевшие прекрасно и очень Лоле подходящие. Кроме того, у Лолы имелся огромный запас одежды, используемый для дела. Лола любила и умела перевоплощаться, поэтому в гардеробе у нее висело множество вещей, новых и не очень, купленных в дорогих бутиках и на вещевом рынке.

Лола отправилась в свою комнату и вывалила вещи из шкафа на кровать и на пол. Пу И, мирно почивавший между подушек, приоткрыл один глаз и оживился: он обожал разбрасывать Лолину одежду, путаться в колготках и лифчиках, валяться на шубах и отгрызать пуговицы у блузок. В этот раз, правда, Лола ему такой возможности не предоставила, потому что тут же убрала обратно в шкаф все дорогие вещи. Они были куплены для стройной Лолы, теперь же нужно срочно «прибавить в весе». Лола прикинула, что размера до сорок восьмого, больше будет уже подозрительно. На сорок восьмой размер у нее имелись только недорогие вещи, совершенно не подходящие для ее новой роли.

– Ты скоро? – заглянул Леня.

– Прямо и не знаю, что делать, – озабоченно проговорила Лола, – пожалуй, нужно обновить гардеробчик. Свози меня в магазины.

– Ты представляешь примерно, что покупать? – спросил Леня, машинально вытаскивая Пу И из кучи белья. – Лолка, он твой топ надел!

Действительно, песик запутался в ляпочках и теперь умирительно барахтался, дрыгая лапами.

– Прекратите хулиганить! – рассердилась Лола. – Мы будем работать или дурака валять?

– Значит, ничего сложного, все должно быть вполне естественно, – говорил Леня, – возраст, думаю, оставим как есть... Тебе сколько лет?

– Неважно, – помрачнела Лола.

– Двадцать восемь... ну подходяще...

– Но я вовсе не выгляжу на свой возраст! – возмутилась Лола.

– А ты сделай так, чтобы выглядеть немного постарше! – отмахнулся Маркиз. – Значит, тридцатилетняя перезрелая девица, готовая упасть к ногам любого подходящего мужчины... этаким персик!

– Персик? – в сомнении пробормотала Лола. – Почему непременно персик?

– Потому что перезрелый персик падает с дерева на землю! – Леня повысил голос. – Ну если не хочешь персик, то какой-нибудь другой фрукт, на твой выбор – яблоко или гру-

ша...

– Арбуз, – подсказала Лола с самым невинным видом.

– Арбузы не падают! – рассердился Леня. – Они катятся под ноги.

– Да уж, – согласилась Лола, – если бы в свое время Нью-тону на голову упал вместо яблока арбуз, мы бы так и не узнали закона всемирного тяготения.

– Женщина! – заорал Леня, теряя терпение. – Мы едем наконец по магазинам? Время дорого!

– Так я уже готова, – Лола пожала плечами, – и незачем так орать!

Маркиза всегда изумляли в Лоле некоторые качества. Так, например, собираясь в ресторан или на прием, она могла наводить красоту часами. В другой раз, вот как сейчас, она могла кое-что набросать на лицо за пять минут и одеться за три минуты. Всего на сборы уходило десять минут, оставшееся время Лола тратила на то, чтобы попрощаться с Пу И. Самое интересное, что, на Ленин взгляд, Лолин внешний вид в обоих случаях никак не отличался, то есть он никак не мог понять, что можно делать с лицом больше двух часов. Но за свою богатую событиями и приключениями жизнь Леня Маркиз усвоил, что женщину нельзя постичь до конца и что вообще есть вещи выше его понимания, которые нужно просто принимать как есть.

В магазинах Лола просто выбрала без примерки несколько дорогих и довольно безвкусных платьев, пальто и костюм.

Продавщицы смотрели удивленно, но в дорогих магазинах обслуживающий персонал твердо усваивал, что клиент всегда прав, так что возражать Лоле никто не решился.

Дома началась примерка. Лола разложила платья на кровати, оглядела их внимательно и прижала руки к сердцу. При этом она задышала часто-часто, вздымая несколько увеличившийся бюст. Потом Лола обошла кровать и поглядела на наряды с другой стороны. Это зрелище тоже несколько ее не порадовало, так что Лола всплеснула руками и горестно покачала головой. И наконец она воздела все те же руки к небу и издала безмолвный вопль, спрашивая, надо полагать, господу нашего бога, за какие грехи он заставляет ее надевать эту ужасную одежду, да еще на два размера больше, чем нужно. Пу И, неслышно выскочивший из подушек как чертик из табакерки, умильно поглядел на хозяйку, собираясь поваляться на новых платьях.

– Отстань! – сердито сказала Лола. – Не видишь – не до тебя сейчас!

Песик обиделся и ушел на кухню, где кот Аскольд грелся у батареи парового отопления на специально поставленной табуреточке. Осенью и зимой он испытывал повышенную тягу к теплу. Пу И попытался было пристроиться рядом, но для двоих там было явно мало места. Кот не шипел и не ругался, он просто распушился до такой степени, что занял все свободное пространство. Пу И расстроился и обратился за сочувствием к попугаю Перришону, который дремал на хо-

лодильнике возле своей клетки. В такую плохую погоду активность попугая тоже понизилась. Песику стало скучно, он побегал по кухне и выкатил из-под шкафа забытый Перришом миндальный орешек. Только было Пу И вознамерился поиграть орешком в собачий футбол, как с холодильника спикировал попугай, шумя крыльями. Не успел песик моргнуть, как Перришон тут же склевал орешек и снова залетел на холодильник. Пу И обиженно гавкнул. Очевидно, попугай разобрал в его лае что-то для себя оскорбительное, потому что взмахнул крыльями и высказался скороговоркой:

– Перри птица дор-рогая, отвали от попугая!

От неожиданности Пу И сел на пол боком, как щенок, и даже невозмутимый кот Аскольд приоткрыл изумрудные глаза и два раза мигнул. Они не знали, что вчера Леня от скуки занимался с попугаем и научил его произносить такую длинную фразу.

Попугай удовлетворившись достигнутым эффектом, замолчал и отвернулся. Пу И вспрыгнул на кухонный диванчик и поиграл немножко с большим бумажным пакетом. В пакете принесли только что купленную одежду, и Лола бросила его за ненадобностью.

Маркиз терпеливо ждал, когда Лола выйдет в новом прикиде, и наконец она появилась с таким выражением, как будто у нее давно и сильно болят зубы.

– По-моему все ужасно! – высказалась она.

– Конечно! – покладисто согласился Леня. – Потому что

не хватает толщины. Платье должно быть заполнено тобой, а не свисать свободными складками. Ну-ка подложи побольше вот тут и вот тут!

– Немедленно прекрати меня лапать! – возмутилась Лола, хотя то, что потрогал Маркиз, было не самой Лолой, а поролоном и ватой.

– Если ты будешь так шарахаться от мужчин, то вообще никогда замуж не выйдешь! – вкрадчиво сказал Леня. – Давай-ка, девочка, входи в роль!

Ворча и стеля по поводу своей несчастной молодой жизни, Лола согласилась увеличиться в размерах, а потом долго занималась своим лицом. После умело наложенного грима лицо ее стало гораздо шире, а глаза – меньше и не такие яркие. Брови Лола подвела посильнее и наложила вызывающие тени, губы накрасила розовой помадой, так что они казались очень пухлыми.

– Как у Анджелины Джоли! – притворно восхитился Маркиз.

– Да уж! – вздохнула Лола.

Пока Лола занималась лицом, Леня переделал множество дел. Он плотно повис на телефоне и долго беседовал с разными людьми, причем, прислушавшись, Лола сразу же определила, что в половине случаев это были женщины, и довольно молодые. Потом Леня бросил несколько слов своему приятелю по кличке Ухо, к которому обращался, если требовалось решить вопрос с машиной, и немного поговорил с Руди-

ком Штейманом. Рудик был известен своими энциклопедическими познаниями экономической жизни города, то есть он знал все про крупные фирмы, котировки акций и имел некоторые сведения о личной жизни богатых людей, живущих в Петербурге и его окрестностях.

– Значит, так! – начал Маркиз, осторожно усадив Лолу на диван и налив ей стакан апельсинового сока. – Запоминай свою биографию. Ты – дочка Сигильдеева.

– Кого? – Лола подпрыгнула на диване.

– Удивляюсь я на тебя, Лола, – вздохнул Маркиз, – ты не знаешь Сигильдеева? А кому, по-твоему, принадлежит сеть крупнейших супермаркетов «Олл Райт»?

– Ах, этот, – сказала Лола, – но позволь, я буквально вчера видела в журнале его снимок с женой и любимой собакой. Так вот, она блондинка с умопомрачительными ногами!

– Кто – собака? Это какая же порода? – удивился Лёня. – Ну, не буду, не буду, – повинился он, заметив, что Лола страшно сердита, – та, которую ты видела, – это его четвертая жена. Или пятая, я уж точно не знаю. А ты – дочка от первой жены, на которой он женился, когда жил в Кудыльме!

– Где? – Лола отвесила челюсть.

– Не думаешь ли ты, что Сигильдеев родился прямо с сетью супермаркетов под мышкой? – рассердился, в свою очередь, Лёня. – В молодости он был самым обычным человеком. Жил в этой самой Кудыльме, имел жену и дочку, то есть тебя. А потом разбогател и стал менять жен, впрочем, мо-

жет, и не от богатства, а потому что мусульманин. А потом вызвал сюда дочку, чтобы создать ей сказочную жизнь. Она же невыносимо скучает на всех этих мероприятиях. Ей мало красивых тряпок и драгоценностей, хочется, чтобы к ногам падали мужчины. А они что-то не спешат это сделать. И тут появится Вася Зайкин, который подходит на роль самого настоящего мужа. Да она должна его с руками оторвать!

– Это правда? – подозрительно спросила Лола. – Или ты сам все придумал?

– Господи, да какая разница! – раздраженно вскричал Лёня. – Главное, чтобы Вася Зайкин поверил, когда ты станешь ему это впаривать! Ну, тут мы ему поможем... Значит, сегодня идем на концерт Выходчиковой, он там обязательно будет.

– Я бы на его месте побоялась сразу же соваться в то же самое место, где он уже успел наследить! – упрямо сказала Лола.

Ей очень не хотелось появляться на людях таким чучелом, так что она пользовалась любой возможностью, чтобы оттянуть неприятный момент.

– Напротив, он как раз думает, что там-то его и не будут искать. Он, знаешь ли, очень самоуверенный мужчина.

– Остается еще один самый важный момент, – напомнила Лола, – где ты возьмешь кучу огромных и безвкусных бриллиантов, чтобы меня ими обвесить? Имей в виду, у меня, конечно, есть драгоценности, и неплохие, но они совершенно не годятся...

– Дорогая, ты меня недооцениваешь, – самодовольно усмехнулся Леня, – о бриллиантах я подумал заранее.

Леня остановил машину возле небольшого магазинчика с вывеской «Чешская бижутерия».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.